

Ю. М. Абашов

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ДИАЛЕКТОВ
В НОВЕЛЛАХ ГЮНТЕРА ГРАССА**

Исследуются лексические и фонетические особенности перевода на русский язык разговорной и диалектальной речи персонажей произведений современного немецкого писателя Г. Грасса. Проанализированы методы художественного перевода и средства, использованные при передаче переводчиками данцигского диалекта на русский язык.

The author studies translation of lexical and phonetic colloquial and dialect specific speech features in the works of modern German writer Günter Grass. The author analyses the methods of fiction literature translation, which have been used for translation from Danzig dialect into Russian.

Ключевые слова: разговорная речь, диалекты, литературный язык, лексические единицы, постпозиции, семантические и стилистические особенности, ненормированное произношение, колорит.

Key words: colloquial speech, dialects, lexical units, postpositions, semantic and stylistic features, belles-lettres style, distinctive features of pronunciation.

Лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс является одним из ярчайших представителей современной немецкой литературы. О его творчестве пишут многие (в основном зарубежные) ученые, но в их исследованиях уделяется недостаточно внимания тому, насколько сложной представляется проблема передачи средствами русского языка особенностей повествовательной манеры писателя.

Проведя сравнительный анализ переводов двух новелл Г. Грасса «Кошки-мышки» и «Траектория краба» на русский язык, выполненных Н. Манн и Б. Хлебниковым, мы выявили как способы их осуществления, так и все положительные моменты и ошибки в работе переводчиков.

Анализируя разговорную речь в новеллах Г. Грасса, следует отметить, что ее основу составляет то, что свойственно всем другим существующим нормам применения языка, — единый с ним фонемный состав, общий запас важнейших слов и, в основном, одинаковый круг грамматических категорий (словообразовательных, морфологических и синтаксических).

Обиходно-разговорной форме ученые отводят промежуточное положение между диалектом и литературным языком (*Mundart – Umgangssprache – Hochsprache*) [1, с. 6]. Наряду с этим В.Д. Девкин подчеркивал, что разговорная речь характеризуется некоторой небрежностью, нечеткостью произношения и нередко несет диалектальную окраску. К этому нужно добавить самые разнообразные индивидуальные особенности произношения говорящего, а иногда и такие моменты, как сюсюканье, манерность, эмоциональность и др., влияющие на окраску речи [1, с. 9]. По мнению исследователя М.И. Шишкановой, меньше всего сказывается специфика разговорной речи на морфологической стороне. Значительно своеобразнее лексика и синтаксис разговорной речи [2, с. 16].

Разговорная речь в новеллах Г. Грасса представлена в разнообразных диалогах. Для грамматической связи реплик диалога характерна «субституция» (замещение). Одним из часто встречающихся видов связи реплик выступают местоимения (личные, указательные, неопределенные, вопросительные). Так, для немецкой разговорной речи характерной чертой является употребление указательного местоимения вместо личного, что не имеет прямого соответствия в русском языке [1, с. 5].

Ср.: «*Der weiß schon, wieso er blechen muss*» [3, S. 21]. — «Он сам знает, за что раскошелливается» [4, с. 11].

Таким образом, переводчица Н. Манн в новелле «Кошки-мышки» указательное местоимение передает личным, сохраняя смысл высказывания и следуя нормам русского языка. Однако в результате такого перевода теряется окраска немецкой разговорной речи.

Интересен и лексический аспект разговорной речи. Так, В.Д. Девкин рассматривал два типа лексики, применяемой в повседневном общении: 1) общеупотребительную, стилистически нейтральную; 2) специальную. Нейтральная лексика занимает основное место в разговоре. Чисто разговорной слой, имеющийся только в бытовой речи и нигде больше, в основе состоит из экспрессивных синонимов, заменяющих стилистически нейтральные слова. Эту разговорную лексику В.Д. Девкин называет коллоквиализмами [1, с. 219].

В процессе разговорной речи рождается особая лексика, основанная на игре звуков (*Lautmalerei*), которую мы наблюдаем в новелле «Кошки-мышки» (переводчица Н. Манн): «...der eiserne *Wirrwarr Schichauwerft*» [5, S. 12] — «...железный *хаос* верфей» [6, с. 38]; «...eine Mansarde voller üblichen *Jungenskrimsrrams*» [5, S. 17] — «...мансарда, полная мальчишеской *дробедени*» [6, с. 41].

Как мы видим, переводчице не удалось в полной мере передать в русском тексте игру звуков.

Следующей характерной особенностью для немецкого языка в разговорной речи является не имеющее аналога в русском языке примыкание безударного слога к предыдущей ударной лексической единице: «*Wie haste das bloß losgekriegt?*» [5, S. 19] — «И как ты *умудрился* опять раздобыть такую штуку» [6, с. 44].

Своеобразие речи персонажа Н. Манн попыталась передать за счет введения в предложение слова с разговорной стилистической окраской — *умудрился*.

В следующем случае Н. Манн попыталась компенсировать немецкую особенность разговорной речи — контаминацию *willste* — посредством использования в переводе разговорного вопросительного слова «чего». Благодаря этому приему удалось в общем сохранить колорит разговорной речи героя новеллы: «*Was willste eigentlich?*» [5, S. 95] — «Чего ты, собственно, *хочешь?*» [6, с. 105].

Похожее явление — *nimmste* (*nimmst du*), *nochen* (*noch ein*) — мы наблюдаем и в следующих примерах:

«— *Nimmste mich mal runter? Allein hab ich Angst*». «— *Möcht wetten da is nochen Toter unten*» [5, S. 28] — «— *Держу пари*, что там мертвец». «— Возьми меня с собой туда, вниз. Одна я боюсь» [6, с. 49].

В данном случае переводчице не совсем удалось передать стилистическую окраску оригинала новеллы. Русский вариант «держу пари», предложенный ею, со стилистической точки зрения в большей степени типичен для речи высокообразованных людей, в новелле же «Кошки-мышки» эту реплику произносит тринадцатилетняя девочка, для которой подходящим был бы вариант «спорим...». В этом примере, по нашему мнению, не нашел своего отражения перевод словосочетания «*nochen Toter*» — мертвец. В этом случае следовало бы сохранить значение «еще один мертвец», так как автор новеллы сознательно употребил неопределенный артикль «*noch ein* (*nochen*)».

В практике художественного перевода встречается много случаев, когда используются слова, непосредственно не предусмотренные словарем. Авторы словарей не в состоянии учесть все конкретные сочетания, в которые попадает слово и которые чрезвычайно разнообразят его содержание [7, с. 142].

Ср.: «*Ziemlich billig für ne Waffe, für die man bestimmt fünfzig Franken hätte hinblättern müssen*» [5, S. 48] — «Продешевили. Могли бы *запросить* полсотни франков» [6, с. 26].

В этом предложении глаголу «*hinblättern*» (разг.) — «выложить не задумываясь (про деньги)» — соответствовал бы русский эквивалент с похожей семантической и стилистической нагрузкой — *отстегнуть*, употребляемый также и по отношению к деньгам: «Слишком дешево для одной пушки, за которую обычно отстегивают не меньше полсотни франков». Такой вариант перевода все-таки является предпочтительнее, поскольку реплика принадлежит подросткам и соответствует их манере общения.

В переводе новеллы «Траектория краба» переводчик Б. Хлебников снизил коннотативную окраску немецкого глагола «*abknallen*» — «застрелить, пристрелить, прикончить выстрелом», используя русское слово «мочить», относящейся к составу аргос: «*Nein, nächstens darfst du mich abknallen*» [3, S. 49] — «Ладно уж, на этот раз твоя очередь *мочить*» [4, с. 26].

Для художественного перевода характерны случаи, когда в языке, на котором он осуществляется, нет слов с похожей стилистической окраской. В этом случае приходится использовать нейтральную лексическую единицу: «*Den gab' schon bei uns auf der Penne*» [3, S. 89] — «Да он еще с нами *в гимназии* учился» [4, с. 101].

Итак, проблема просторечия как одна из особенно сложных проблем художественного перевода и в практическом, и в теоретическом отношении предполагает внимательный учет взаимодействия всех сторон языка, так или иначе способных отразить стилистическое своеобразие оригинала.

Работая над переводом новелл «Кошки-мышки» и «Траектория краба» Г. Грасса, Н. Манн и Б. Хлебникову пришлось столкнуться также с трудностями в передаче немецких диалектов на русский язык.

Как известно, системы диалектальных различий в немецком и русском языках почти несовместимы, так как они имеют разный статус в национальном языке. Диалекты обладают ярко выраженной территориальной соотнесенностью. Так, например, А.В. Фёдоров предложил в свое время передавать их по функциональному признаку. И действительно, как отмечает И.С. Алексеева, одна из функций диалектов разных языков в тексте совпадает: любой диалект привносит в текст оттенок простонародности, провинциальности и поэтому может быть передан с помощью отклонения от нормы другого типа, обладающего похожей функцией, — просторечия. В основе этой лексической замены лежит стремление сохранить основную функциональную характеристику текста — факт его ненормативности [1, с. 195].

Вообще в повседневном общении диалектизмы нейтральны, однако при их использовании в других стилях они приобретают экспрессивную окраску, а в художественной литературе формируют национальный колорит и являются также распространенным социально-характерологическим приемом для создания речевого портрета героев.

Как правило, писатель, прибегая к диалекту в своих произведениях, осознанно использует его как стилистическое средство. Так, Е. Ризель и Е. Шендельс отмечали, что, с одной стороны, диалекты служат для создания в произведении национального и территориального колорита, стремясь наглядно изобразить их, а с другой стороны, формируют естественный колорит за счет того, что отправитель употребляет типичные для его времени языковые и стилистические нормы. Благодаря этой стилистической и языковой «подрисовке» читатель неизбежно соотносит высказывание (на диалекте) с определенной национальной или областной спецификой коммуникации [8, S. 73].

Многие ученые, например А. В. Фёдоров, Л. К. Латышев, Б. А. Ларин, И. С. Алексеева и Л. Райс, едины во мнении, что переводческая задача в отношении такого элемента словаря, как диалекты, всегда оказывается сложной. Так, А. В. Фёдоров обратил внимание на то, что воспроизведение территориальных диалектизмов исходного языка как таковых неосуществимо с помощью территориальных же диалектизмов переводящего языка, поскольку это неизбежно вступает в противоречие с реальным содержанием подлинника, с местом действия, с его обстановкой, с принадлежностью действующих лиц, да и автора, к определенной национальности. Поэтому он особо подчеркивал, что «о передаче их [диалектизмов] с помощью каких-либо территориальных диалектизмов русского языка, естественно, не может быть речи. Но сохранение окраски просторечия, фамильярной грубости, с которой о себе думает герой, возможно было бы и иным лексическим путем» [7, с. 252].

Поиски стилистических соответствий диалектизмам оригинала можно считать одной из актуальнейших задач в современном творчестве отечественных переводчиков немецкой прозы.

Диалект — это прежде всего устная речь. Следует особо подчеркнуть, что в процессе становления немецкого национального языка наименьшим изменениям подверглась фонетическая структура диалектов, а более существенные изменения произошли в сфере морфологии, синтаксиса, словообразования словарного состава диалекта, где осуществилось сближение с немецким литературным языком [7, с. 169].

В своих новеллах Г. Грасс обращается к данцигскому диалекту.

В качестве примера приведем реплику одного из персонажей новеллы «Кошки-мышки»:

«Womeglich isses, weil die Post so unräjelmässig ainem ins Haus kommt. — Doch nu missen Se läsen, Herr Pilenz, was onser Joachim schraibt. Och von Se schraibt er, wächen Kerzen — aber wä haben schon wälche jekriegt» [5, S. 83].

«Может, оттого, что почта стала плохо работать. Но вы, господин Пиленц, должны прочитать, что пишет наш Иоахим. Он и о вас пишет, из-за свечей, но мы уже несколько штук достали» [6, с. 96].

В следующем примере можно проследить ряд характерных фонетических особенностей данцигского диалекта:

«Ond maine Mama hädd nech aufheeren jekonnt, von dem ieberall mit bunte Bilder jekachelten Schwimmbad zi schwärmen in dem später all die Hilferinnen vonne Marine janz dichtjedrängt ham hocken jemußt, bis denn der Russki mit sainem zwaiten Torpedo genau da all die jugen Dinger zermanscht hat...» [3, S. 33].

«А мама-то все восхищалась бассейном, который весь был выложен разноцветным кафелем и мозаикой; его потом осушили, чтобы разместить там двушек из вспомогательного флотского батальона, тесно им было, а русский стрельнул прямо туда своей второй торпедой и превратил их в месиво» [4, с. 17].

Охарактеризуем некоторые особенности данцигского диалекта. При этом подчеркнем, что многие из перечисленных ниже фонетических явлений немецкие ученые относят к ненормированному произношению.

1. Разгубление немецких лабиализированных гласных звуков, замена ö → e: *womöglich* — *womeglich*, *aufhören* — *aufheeren*;

ü → i: *müssen* — *missen*, *überall* — *ieberall*;

2. Произнесение [g] как [j]:

— в начале слова: *gekriegt* [jekri:t], *gekachelten* [jekachtelten], *ganz* [janz];

— в середине слова в позиции между гласными переднего ряда [g] произносится как [j] или [ç], например: *unregelmäßig* — *unräjelmässig* [unrɛ:jelmɛ:sisç], *wegen* — *wächen* [vɛ:çn].

3. Возникновение слабых форм слов: местоимения и артикли, часто употребляемые формы глаголов *haben*, *sein*, *werden*, *sollen*, *wollen* и др., а также предлоги (особенно односложные), союзы и наречия ослабевают в своем звучании в процессе быстрой речи вследствие изменения гласных звуков либо потери гласных и согласных путем редукции. Так рождаются слабые формы слов, отличающиеся друг от друга в различных местностях употребления: *nun* → *nu*, *Sie* → *Se*, *wir* → *wä*, *ist* → *is*, *nicht* → *nech*;

4. Наблюдается примыкание безударного слова к предыдущей ударной лексической единице: *isses* = *is es* = *ist es*, *vonne* = *von der*.

Наряду с выделенными чертами немецкого ненормированного произношения в приведенных выше примерах-предложениях присутствуют следующие особенности.

1. Предпочтение более открытых звуков, например практически повсеместное употребление вместо [e:] более открытого звука [ɛ:]: unräjälmäßig [ʊnrɛ:jälmɛ:sɪs] – *unregelmäßig*, wächen [vɛ:çn] – *wegen*; Härr [hɛ:r] – *Herr*, wälche [vɛ:lçɛ] – *welche*.

Здесь же отметим, что в переводе есть возможность сохранить эту особенность звучания диалекта графически, если в некоторых словах заменить в орфографии [e] на [э].

2. Более открытое произнесение дифтонга [ai] в словах: *schraibt, maine, sainem, zwaiten*; расширение звука [u] до [o]: *und* → *ond*.

Можно привести еще множество примеров из анализируемых нами новелл, но уже рассмотренные нами предложения и их переводы позволяют сделать вывод, что особенности диалекта, в частности его звуковая сторона, не нашли своего отражения в переводе. В процессе работы Н. Манн и Б. Хлебников в основном прибегали к использованию просторечий, до нынешнего времени наиболее распространенному средству перевода диалектизмов.

Элементы диалекта в произведениях Г. Грасса, во-первых, отражают языковую действительность с ее местными особенностями, во-вторых, выполняют определенную сигнальную функцию, потому что каждому диалекту присуще особое бытие.

Учитывая важную роль диалекта в художественном произведении, мы считаем целесообразным его перевод разговорным языком, как сделали Н. Манн и Б. Хлебников, а в сноске необходимо отметить, что персонаж говорит на данцигском диалекте. Если в новеллах подсчитать количество предложений на диалекте, то их насчитывается достаточно много (в «Кошках-мышках» их число достигает 32, а в «Траектории краба» еще больше – 139 предложений). Так, например, одна из героинь, Тулла Покрифке, пережившая крушение корабля, повествует об этом исключительно на данцигском диалекте.

Здесь же отметим, что в переводе была возможность сохранить эту особенность звучания диалекта графически, если в некоторых словах заменить в орфографии [e] на [э] в репликах Туллы Покрифке, например:

«Das is mi alles pech persenlich jenug erlebt. Das kommt nich von Harzen! <...> Na vielleicht wird main Kondradchen eines Tages drieber was schraiben» [3, S. 94]. – «Не *хватает* тут личного *отношения*. Сердца мало!... Вот, *можэт*, мой Конрадхен когда-нибудь про все *напишэт*...» [4, с. 51].

Подводя итоги, отметим, что при объединении двух способов передачи диалектической речи (лексического и орфографического) можно добиться более полной передачи своеобразия речи Туллы Покрифке, в некоторой степени музыки Г. Грасса. В дополнение подчеркнем, что эта героиня проходит через все произведения автора и всегда говорит на диалекте.

Остальная диалектная лексика не нарушает литературной нормы немецкого языка, а лишь является более употребительной на севере Германии, например северонемецкие варианты: *Qualster* – мокрота, *die Stint* – дурень, *schummrig* – сумеречный, *die Budell* – бутылка, *der Fatzke* – фат, *verklappen* – продать, *doll* – классный, сногшибательный. С переводом этих диалектизмов переводчики новелл Г. Грасса успешно справились.

В результате проведенного нами исследования мы выяснили, что Н. Манн и Б. Хлебников ставили своей задачей осуществление адекватных переводов, которые бы в полной мере воссоздали эстетическое воздействие оригинала на читателя.

Если говорить о каждом переводе в отдельности, то следует отметить, что художественный перевод новеллы «Кошки-мышки» Н. Манн в полной мере передает стиль Г. Грасса. Так, воспроизводя разговорную речь, она нашла удачные стилистические приемы: «Kommt nicht in die Tüte!» – «Фиг тебе!», *Schlamassel* – «заваруха» и др., хотя мы выявили и некоторые неточности и ошибки, которые, впрочем, не повлияли на качество перевода новеллы.

Перевод Б. Хлебниковым новеллы «Траектория краба» также приближен к тексту оригинала, хотя переводчик при передаче разговорной речи нередко использует стилистически более сниженные слова и фразы (*abknallen* – «мочить»).

Перевод разговорной речи и диалектизмов в новеллах Г. Грасса является сложной задачей. Эта лексика играет главную роль при передаче на русский язык элементов местного колорита, который, в свою очередь, является компонентом национального колорита и находит свое отражение в художественных произведениях Гюнтера Грасса.

Список литературы

1. Девкин В. В. Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965.
2. Шишканова М. И. Морфологические особенности разговорного стиля английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
3. Grass G. Im Krebsgang. Göttingen, 2002.
4. Грасс Г. Траектория краба / пер. Б. Хлебникова // Иностранная литература. 2002. №10. С. 3–114.
5. Grass G. Katz und Maus: Danziger Trilogie 2. Darmstadt; Neuwied, 1984.

6. *Грасс Г.* Кошки-мышки: новелла. Под ложным наркозом: роман. Встреча в Тельге: повесть // пер. Н. Манн. М., 1985.

7. *Фёдоров А. В.* Основы общей теории перевода. М., 1968.

8. *Duden: Aussprachewörterbuch. B. 6: Wörterbuch der Standardaussprache.* Mannheim, 2000.

Об авторе

Ю. М. Абашов — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канга.

Author

Y. M. Abashov — PhD, associate professor, IKSUR.